
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ В РОССИИ

CPWPIG

БАРЬЕРНЫЙ ЭФФЕКТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦ ДЛЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Л. Б. Карачурина¹

Н. В. Мкртчян²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

² Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 117418, Россия, Москва, Нахимовский просп., 47

Поступила в редакцию 26.05.2026 г.

Принята к публикации 03.07.2026 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2026-3-1

© Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., 2026

Барьерная роль международных границ для миграции не вызывает сомнений, применительно к внутренним административным границам она находит не так много подтверждений. Цель представленного исследования состоит в оценке барьерного эффекта региональных границ для долговременной миграции в России и поиске основных причин, его объясняющих. В работе использовались индивидуальные деперсонифицированные данные внутрироссийских мигрантов за 2011–2020 гг., дающие возможность анализировать миграционные связи между отдельными населенными пунктами. На основе анализа внутри- и межрегиональных миграционных связей выбранных 165 пар населенных пунктов в разных регионах России оценивается барьерный эффект региональных границ для долговременной миграции. При выборе пар населенных пунктов исходили из принципа их максимальной сопоставимости по численности населения и расстоянию между населенными пунктами в каждой паре. Контроль этих двух базовых параметров дает возможность считать получившиеся различия в интенсивности миграционных связей (межрегиональных и внутрирегиональных) эффектами барьера региональных границ. Расчеты показали, что внутрирегиональные миграционные связи в 3,5 раза интенсивнее, чем межрегиональные, барьерный эффект границ имеет повсеместный характер, но меняется при разной миграционной привлекательности соседних регионов, различиях в этнической структуре их населения, высокой миграционной привлекательности отдельных центров, зависит от положения населенных пунктов относительно региональных столиц и локальных центров притяжения населения.

Ключевые слова:

внутренняя миграция, границы регионов, населенные пункты, расстояние, миграционные связи

Введение

Обычно слова «граница» и «миграция», произнесенные рядом друг с другом, вызывают ассоциацию с международной миграцией и пересечением государственных границ. Однако внутренние административные границы, хотя и почти невиди-

Для цитирования: Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. 2026, Барьерный эффект региональных границ для миграции населения в России, Балтийский регион, т. 18, № 3, с. 8–23. doi: 10.5922/2079-8555-2026-3-1

мые — с точки зрения присутствия пограничных институтов и инфраструктуры, тоже играют роль в фильтрации миграционных потоков и осуществлении перемещений. Барьерная роль границ применительно к миграции может быть воображаемой (например, представления о том, что в соседнем регионе выше уровень жизни и туда есть смысл переезжать) или объективной (наличие или отсутствие дорог, интенсивность и удобство регулярного транспортного сообщения, институциональные ограничения). Она может опираться на чувство принадлежности к «своему региону», на более сложную адаптацию при переезде в «чужой» регион, на сетевые эффекты миграции. «Пересечение межобластных границ в российской глубинке подобно преодолению горного перевала — и по затрачиваемым усилиям, и по профилю кривой на графике передвижения», — писал известный географ и путешественник Б. Б. Родоман (2022, с. 55), описывая их оторванность, иногда полузаброшенность, малую связанность населенных пунктов по обе стороны границы. Как проецируется наличие межрегиональных границ в России на интенсивность миграции? Действительно ли граница, даже без стен и физических преград — усложняет внутристрановые миграционные связи? Если это правило, есть ли из него исключения? Именно такими вопросами мы задавались, начиная представленное исследование. Соответственно, цель данной работы — оценить барьерный эффект границ регионов для долговременной миграции в России и предложить общие объяснения ему. Дизайн исследования предполагает мэтчинг: для выбранных населенных пунктов страны мы сравниваем объемы их миграционных связей с двумя населенными пунктами, один из которых находится в «своем» регионе, второй — в соседнем регионе, при равной или схожей транспортной доступности (выраженной расстоянием) до каждого из них. Контроль расстояний, а также соразмерность сравниваемых населенных пунктов по численности населения позволяет приписывать получившиеся различия в миграционных связях эффектам барьерности региональных границ.

Предыдущие исследования

Несмотря на долгую историю изучения границ («border studies») и пограничных эффектов и то, что, по ремарке В. А. Колосова, за последние 30 лет «Border studies стали своей рода научной модой» (Колосов, 2022, с. 24), существует ограниченное количество доказательных исследований сопряженности внутристрановой миграции и внутренних границ. Миграционные исследования в контексте граничности в основном посвящены трансграничной миграции в ее разных проявлениях: пересечению границы, нелегальной миграции, воздействию миграции на приграничные территории.

Однако повсеместно главным по объему миграционным потоком, даже в приграничных регионах, является внутренняя, а не международная миграция. Границы между регионами, хотя и имеют гораздо большую проницаемость по сравнению с государственными, могут выполнять роль своеобразных барьеров.

Доказательства их существования можно искать в разных плоскостях.

Например, границы служат косвенными показателями дальности миграции — длины преодолеваемых в ходе миграции расстояний (Niedomysl, Fransson, 2014) при невозможности или нецелесообразности ее точного расчета. Тогда в общем случае большая интенсивность миграции внутри региона (условно — «короткие» перемещения) в сравнении даже с миграцией с соседними регионами («длинные» перемещения) объясняется свойствами базовой гравитационной модели: действует обратная зависимость объема миграционных перемещений и, значит, миграционных связей от расстояния — с их ростом связи ослабевают, что находит эмпириче-

ские подтверждения в России (Карачурина, Мкртчян, 2023), Швеции (Niedomysl, Fransson, 2014), Китае (Gao, 2018). Межштатная миграция в США в 3,2 раза ниже, чем внутриштатная — что также может быть связано с эффектом расстояний (Song, 2018). Но при этом, согласно расчетам, люди в три раза чаще переезжают в другой округ в пределах одного штата, чем в столь же удаленный округ в другом штате. Кроме того, люди примерно в два раза чаще ездят на работу в другой округ в пределах одного штата, чем в столь же удаленный округ в другом штате. Иначе говоря, границы штатов снижают как долгосрочную, так и временную (возвратную) мобильность населения (Wilson, 2022). В Китае «потоки населения по сравнению с товарными потоками, измеряемыми грузовым транспортом, испытывают более выраженное влияние провинциальных границ» (Zheng et al., 2025).

Одновременно исследование, сопоставляющее гравитационные и сетевые модели миграции в Австрии (Robiglio et al., 2025), выявило значительные отклонения распределений объемов миграции, которые должны были бы быть, если бы работал только гравитационный закон. Эти отклонения связаны с возникновением на пути плавного снижения миграции по мере увеличения расстояния административных границ как ощутимых барьеров. В результате картина миграции в Австрии предстает как фрагментарная, замкнутая внутри границ федеральных земель.

Сетевой анализ для внутренней миграции в России также показал, что для населения подавляющего большинства муниципальных образований России основное направление миграции — столица своего региона. Столица другого региона в таком качестве фигурирует крайне редко (Смирнов, 2025). Из городов окружного уровня в основном в столицы той же провинции направлены внутренние миграционные потоки в Китае (Yin et al., 2025).

Периферийные территории каждого региона, даже отдаленные от своих центров на сотни километров, сохраняют миграционную связность с ними, чему способствуют объективные и субъективные факторы. Среди первых: имеющееся в некоторых странах, в том числе в России, радиальное строение дорожной инфраструктуры и моноцентрическая организация транспортного сообщения (Кузнецова, 2011; Ji, Huang, 2023), устройство системы социального обслуживания населения (McKinnish, 2007; Shi, 2020); правила землепользования и налогообложения (Cebula, 2009; Kleven et al., 2020; Collins, 2008); специфика системы лицензирования профессий и видов деятельности для каждой административно-территориальной единицы регионального уровня (Cooke et al., 2022), предпочтения для привлечения своих студентов в образовательные учреждения (Cattaneo et al., 2017; Rehák, Eriksson, 2020; Anderson, 2021) и другие институциональные факторы.

Например, в Индии миграцию за пределы штатов сдерживает система продовольственных карт, выдаваемых каждым штатом нуждающимся семьям и одновременно являющихся документами, которые дают возможность обращения в больницы и ряд других социальных льгот. Аналогично действуют требования по месту жительства в штате для трудоустройства в значительное число государственных учреждений и для получения преференциального доступа в университеты и колледжи, находящиеся под контролем правительств штатов (Kone et al., 2017). Смена «приписки» к штату сопровождается серьезными бюрократическими преградами.

Все эти факторы в той или иной степени способствуют замыканию миграции — если она происходит — в контуре административных границ.

Не менее важны идентификация людей со своим регионом (Koşar et al., 2022), меньшая осведомленность о ситуации и возможностях жизни в других, «не своих», регионах и одновременно положительная или отрицательная мифологизация этих «других» (McCauley, 2020), вместе обозначаемые как «информационное трение» (Wilson, 2022). К субъективным причинам можно также отнести выстроен-

ные социальные связи (Baláž et al., 2016; Dekker, Engbersen, 2014; Zabek, 2024) и в целом социальный капитал индивида. Они также чаще всего сконцентрированы в региональных границах. М. Бэйли с коллегами (Bailey et al., 2018) на основании анализа социальных сетей американцев выявили, что в среднем у них в два раза больше друзей в округе того же штата, расположенном в 15 милях от места проживания, чем в приграничном округе другого штата, расположенном в 15 милях от места проживания. Это приводит к тому, что границы связанных сообществ часто приближаются к границам штатов, и только в отдельных местах границы штатов и границы социальных сетей расходятся. Р. Уильсон (Wilson, 2022) показал, что идентичность со своим штатом, называемая им «предвзятостью к родному штату», является важным механизмом, объясняющим наблюдаемое в США трансграничное снижение мобильности. Исследование в Нидерландах демонстрирует, что люди почти в 4 раза чаще переезжают в муниципалитеты, расположенные в пределах одного и того же исторического региона, обладающего той же идентичностью (Vermeulen et al., 2019).

Отдельный вопрос касается учета социокультурных (этнических) факторов. Проведенное в Роттердаме исследование, учитывающее существующие контактные зоны проживания этнических групп, показало, что вероятность переезда этнических меньшинств через эти «незримые» границы в другие кварталы и районы снижается из-за ограниченного выбора альтернативных районов, а этнического большинства, наоборот, повышается (Olner et al., 2024). У. Кларк (Clark, 1989) выявил, что при смене места жительства предпочтение отдается районам с преобладанием представителей той же расы, особенно среди белых. Э. Айер и Дж. Прис (Iyer, Pruse, 2024) привели перечень возможных причин более низких уровней потенциальной миграции вблизи границы. Социальные границы, которым посвящена их работа, подразумевают «близость крайностей»: противопоставление культур, образов жизни, социальных норм и иерархий. Чем больше социокультурная дистанция, тем сложнее формировать социальные связи, тем сильнее привязанность к соседям и чувство обязанности «защищать» границу и ниже потенциальная мобильность. В целом исследование показало, что проявления социальной граничности для разных групп могут радикально различаться в зависимости от того, на какой стороне границы находится человек.

В работе (Yu et al., 2025) на основе данных китайских сотовых операторов сравнивается влияние на мобильность провинциальных (региональных) и муниципальных границ и демонстрируется гораздо большее влияние именно муниципальных. Особенно сильно это проявляется в развитых районах и связано с децентрализацией фискальных доходов, в то время как границы провинций больше связаны с фискальными расходами.

Поиск и анализ работ, пытающихся исследовать миграцию населения и административные границы, продемонстрировал явную недостаточность понимания их проницаемости и барьерности для внутренних мигрантов: поисковые запросы неизменно уведут исследователя в темы международной миграции и пересечения государственных границ, городских исследований и расположение городов из своих границ, привязанности к дому и своему месту жительства. Между тем административные границы, вероятно, действительно ощутимо влияют на миграцию и на иные формы пространственной мобильности населения, миграционные намерения уезжать или оставаться, уезжать сколько-нибудь далеко или неподалеку. Эффект границ в основном барьерный, но в каких-то случаях (нечасто описанных) границы имеют контактную функцию и способны интенсифицировать миграцию. Например, развитие индустриального парка «Ворсино» на границе Новой Москвы и Калужской области явно привело к усилению мобильности всех форм (Савоскул и др., 2019) — несмотря на наличие межрегиональной границы, а может быть, и

благодаря ей: в ходе полевых исследований в Балабаново авторам данной статьи часто приходилось слышать о случаях покупки жилья и регистрации по месту жительства врачами в Калужской области — в Балабаново или Ермолино, а работы — в медицинских учреждениях Наро-Фоминска, то есть Московской области. Это означает, что в данном случае можно говорить о том, что межрегиональные границы не выполняют заградительную роль. Это также подчеркивает, что объект нашего изучения — внутренняя долговременная миграция — сложен не только своей многофакторной природой, его порождающей, но и его фиксацией.

Данные и методика

Анализируются миграционные связи населенных пунктов с другими населенными пунктами в рамках долговременной регистрируемой межрегиональной и внутрирегиональной миграции населения в России. Мы отталкиваемся от гравитационной модели миграции, согласно которой миграционные потоки (связи) между двумя населенными пунктами (НП) прямо пропорциональны численности их населения и обратно пропорциональны расстоянию между ними. Дизайн исследования имеет черты мэтчинга, объяснение сути которого приводится ниже.

Принципы выбора направлений миграции для выявления барьерного эффекта региональных границ

Выявление барьерного эффекта внутренних административных границ (между регионами России) производилось на основе анализа значительного числа миграционных связей. Сравнивались два направления миграции: 1) между населенным пунктом А региона 1 (главным) и населенным пунктом В того же региона; 2) между населенным пунктом А региона 1 и населенным пунктом С соседнего региона 2. Соответственно, для главного населенного пункта анализировалась миграция А—В (внутрирегиональная) и А—С (межрегиональная) (рис).

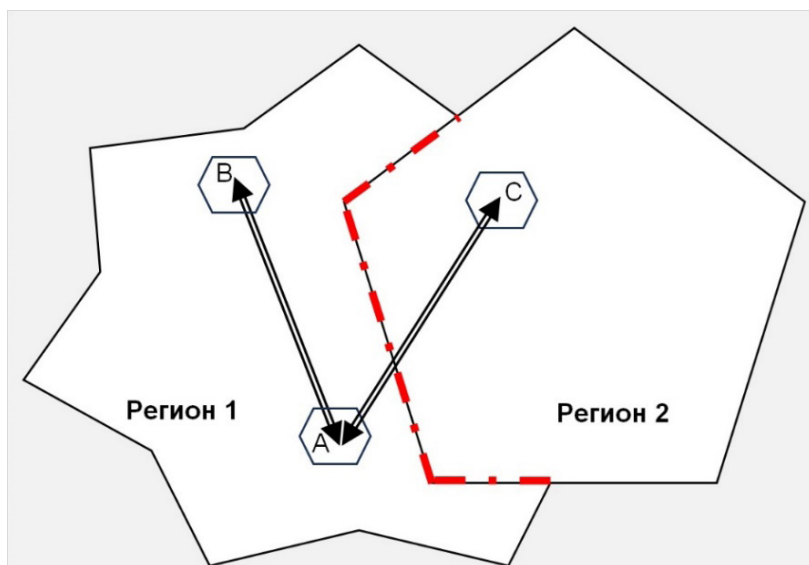

Рис. Схема анализируемых направлений миграции для выявления барьерного эффекта границы между регионами 1 и 2

Примечание: А, В, С — населенные пункты; красная линия — межрегиональная граница.

Выбор направлений миграции осуществлялся исходя из следующих принципов:

— расстояния по автодорогам между отобранными населенными пунктами (АВ и АС) должны быть максимально близкими по величине;

— людности НП В и С также должны быть максимально подобны друг другу. При этом людность пар сравниваемых НП (А—В и А—С) должна быть достаточна для того, чтобы объемы миграции между этими НП были значительными, так как между отдельными малыми НП миграционные связи даже в пределах одного района могут иногда отсутствовать. Минимальная численность населения сравниваемых пар НП составляла 18,5 тыс. чел. при расстоянии между ними менее 200 км. Минимальная численность населения одного из НП в паре составляла 2,3 тыс. чел. в среднем за 2011—2021 гг.

Логика отбора равных друг другу НП, размещенных на одинаковом расстоянии от «главного» НП, основана на потребности минимизации влияния «трения» расстояния и эффекта размера. Элиминируя эти две базовые составляющие гравитационной модели, можно выявить значимость преодоления административной границы.

Отбор НП для выявления барьерного эффекта осуществлялся в два этапа. На первом этапе в соседних регионах разных частей страны находились два НП с близкими значениями численности населения, удовлетворяющие критерию достаточной людности. На втором этапе производился поиск НП, равноудаленного от каждого из них по автодорогам, федеральным и местным. По найденным парам (тройкам, так как главный НП участвует в расчетах для каждой из пар) НП производится расчет прибывших и выбывших мигрантов: из А в В и в обратном направлении; из А в С и в обратном направлении.

Методика оценки барьерного эффекта границы

Для каждого направления миграции рассчитывался миграционный оборот между А—В и А—С. Барьерный эффект границы (Гр. эфф.) определяется по формуле

$$\text{Гр. эфф.}_1 = \frac{\text{МО}_{\text{А-В}}}{\text{МО}_{\text{А-С}}}.$$

Учитывая, что выбранные НП близки, но не равны по людности и расстоянию между ними, мы считаем методически оправданным скорректировать полученный барьерный эффект следующим образом:

$$\text{Гр. эфф.}_{\text{итог}} = \frac{\text{МО}_{\text{А-В}}}{\text{МО}_{\text{А-С}}} \cdot \frac{\text{ЧН}_\text{В}}{\text{ЧН}_\text{С}} \cdot \frac{\text{Р}_{\text{А-В}}}{\text{Р}_{\text{А-С}}},$$

где А — главный населенный пункт; В — населенный пункт в своем регионе; С — населенный пункт в соседнем регионе; МО — миграционный оборот между населенными пунктами; ЧН — людность населенных пунктов; Р — расстояние между населенными пунктами.

В результате барьерный эффект границы уменьшится, если численность населения В превосходит численность населения С, а расстояние А—В меньше, чем А—С. И наоборот, барьерный эффект увеличится, если население В меньше С, а расстояние А—В больше А—С.

Барьерный эффект будет проявляться при значении Гр. эфф. $\geq 1,0$. В реальности он должен отличаться значимо, например $\geq 1,5$, так как меньшие значения могут объясняться случайными отклонениями показателей. Если Гр. эфф. $\leq 1,0$, барьерный эффект определенно отсутствует.

Используемые данные

Людность НП, для миграции между которыми рассчитывался барьерный эффект региональных границ, определялась как среднее значение за период 2010—2020 гг. на основе данных Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. В отдельных случаях допускалась суммирование численности населения двух сросшихся или полусросшихся НП (например, Саратова и Энгельса) для получения численности населения, близкой к численности населения столиц соседних регионов (Волгограда, Самары). Расстояние между НП рассчитывалось по автомобильным дорогам, с использованием сайта «Автодиспетчер» (<https://www.avtodispatcher.ru>), который вычисляет расстояние между центрами заданных НП.

Миграционные потоки между НП рассчитывались как сумма прибывших и выбывших между ними за 2011—2020 гг. Для расчета использовались индивидуальные деперсонифицированные данные, полученные по запросу в Росстате. Мы не учитывали случаи автовозврата, так как они в соответствии с методикой статистического учета только увеличивают число учтенных миграционных событий по всем направлениям, то есть абсолютные величины миграционного оборота. В итоге оценка барьерного эффекта границ осуществлялась на основании анализа 285,9 тыс. внутрирегиональных и 81,3 тыс. межрегиональных перемещений населения.

Были отобраны 165 пар населенных пунктов, миграция в которых оценивает барьерный эффект для 76 границ регионов России. Это составило 20 % от общего числа сухопутных межрегиональных границ России, оцениваемых на 2020 г. в 376. При выборе Москвы и Санкт-Петербурга как направлений миграции оценивался барьерный эффект границы Московской и Ленинградской областей.

Чаще всего рассчитывался барьерный эффект границы, разделяющей Краснодарский край и Ростовскую область (13 раз), Республику Башкортостан и Челябинскую область (8), Владимирскую и Нижегородскую (7), Московскую и Калужскую, Московскую и Владимирскую, Новгородскую и Ленинградскую области, Краснодарский и Ставропольский края (по 5 раз). За редким исключением границы разделяли регионы в основной полосе расселения, при этом на отдельных примерах оценка барьерной роли границ осуществлялась для границ Архангельской и Вологодской областей, Республики Саха (Якутии) и Амурской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО.

Результаты и их обсуждение

Согласно расчетам по всем 165 парам населенных пунктов, барьерный эффект региональных границ составил 3,515 (Гр. эфф.₁), то есть миграция между населенными пунктами своего региона составила 351,5 % от миграции с населенными пунктами, разделенными границами. С поправкой на различия в численности населения сравниваемых населенных пунктов и расстояний между ними этот эффект незначительно увеличился и составил 3,548 (Гр. эфф._{итог}). Из всех рассмотренных пар населенных пунктов этот коэффициент был выше 1,0 в 154 парах, или в 93,3 %. При этом в 6,7 % пар значения коэффициента составили от 1,0 до 1,49, то есть он был невыраженным или низким.

Барьерный эффект границы по-разному выражен у населенных пунктов разного размера и в зависимости от расстояния между НП в парах (табл. 1). Средняя численность населения рассчитывалась для всех трех населенных пунктов, образующих пары (см. рис).

Таблица 1

**Коэффициенты барьерного эффекта административной границы
для населенных пунктов разного размера и расстояния между ними**

Средняя численность населения трех НП, тыс. чел.	Всего	Среднее расстояние между НП, км				
		Менее 100	100—149,9	150—199,9	200—249,9	250 и более
Всего	3,548	2,508	2,911	3,933	3,685	3,762
Менее 200	2,196	1,244	2,286	5,195	3,217	1,495
200—499	3,096	2,556	2,799	7,750	8,586	3,391
500—999	4,719	3,694	6,738	5,188	5,704	4,385
1000—1999	2,771	2,377	2,348	2,913	3,047	3,999
2000 и более	4,553	—	2,547	2,463	3,072	8,907

Рассчитано по данным Росстата.

Только в одной группе НП — с самой небольшой численностью населения и расположенных сравнительно близко друг от друга — граница региона оказывала слабое влияние на миграцию. В эту группу НП входили, например, Саяногорск — Черногорск (Республика Хакасия) и Саяногорск — Минусинск (Красноярский край); Ленинское — Котельнич (Кировская область) и Ленинское — Шарья (Костромская область). Похожая группа пар НП с низким барьерным эффектом границ — это также отличающиеся небольшими размерами НП, разделенные большими расстояниями. Пример — Нижнеудинск — Черемхово (Иркутская область) и Нижнеудинск — Зеленогорск (Красноярский край). Между НП такого размера в принципе совершается немного перемещений, число их жителей сопоставимо, и переезд между ними не приносит эффектов, позволяющих значительно изменить качество жизни.

Напротив, существенно выше среднего барьерный эффект границы отмечен у НП с самой большой людностью и при миграции на самые большие расстояния. В эту группу попадают НП между двумя городами-миллионниками, один из которых расположен в своем, а другой — в соседнем регионе, например в парах Набережные Челны — Казань (Республика Татарстан) и Набережные Челны — Уфа (Республика Башкортостан). Также высок барьерный эффект при миграции на расстояние 150—250 км между средними по размеру НП, например между парами Великий Новгород — Боровичи (Новгородская область) и Великий Новгород — Тихвин (Ленинградская область).

Группировка пар НП не только по размеру и удаленности, но и по иным характеристикам населенных пунктов и их регионов позволяет понять часть причин усиления или ослабления барьерного эффекта региональных границ для миграции (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент барьерного эффекта в отдельных группах населенных пунктов

Группы НП	Число пар НП в группе	Среднее значение коэффициента	Min значение коэффициента	Max значение коэффициента
Граница с менее миграционно привлекательным регионом	12	2,209	0,158	5,916
Граница с более миграционно привлекательным регионом	14	7,382	1,553	32,767

Окончание табл. 2

Группы НП	Число пар НП в группе	Среднее значение коэффициента	Min значение коэффициента	Max значение коэффициента
НП между городами-миллионниками	24	6,018	2,051	25,678
НП между региональными столицами-немиллионниками	17	2,264	0,794	29,977
«Этнические» границы, всего	46	4,481	0,574	150,190
В том числе:				
НП между городами-миллионниками и этническая граница	14	8,500	2,850	25,678
Другие пары НП с «этническими» границами	32	3,506	0,574	150,190
Один из городов в парах — в агломерации Москвы	16	3,094	0,158	32,767
<i>Всего</i>	165	3,548	0,158	355,505

Примечание: сумма числа пар отдельных групп больше суммарного значения, так как отдельные пары НП могут относиться к разным выделенным авторами группам.

Рассчитано по данным Росстата.

Соответствие / несоответствие общему тренду миграции. Прежде всего границы могут разделять регионы, чья привлекательность для мигрантов сильно различается. Например, переезды между Московской и Владимирской, Московской и Тверской, Тюменской и Курганской областями. Если регион-сосед значительно более миграционно привлекателен, барьерный эффект ослабевает, в противном случае — усиливается. В приведенных примерах миграционные потоки либо совпадают с трендами (в парах Клин — Конаково (Тверская область) и Клин — Истра (Московская область) барьерный эффект границы отсутствует), либо идут вразрез с ними (в парах Владимир — Ногинск (Московская область) и Владимир — Муром (Владимирская область) — барьерный эффект растет).

Барьерный эффект границ Московской области проявляется довольно слабо. С одной стороны, играют роль слабые стимулы переезжать из городов Московской области за границы Московской агломерации, например во Владимир, Тверь или Рязань. Но в пределах Московской области миграционная связность отдельных НП слабая (Карачурина, Мкртчян, 2021): преобладает движение между центром агломерации (Москвой) и ее внешней зоной, но не внутри самой внешней зоны, а также приток из НП соседних областей.

Конкуренция городов-миллионников. В случае выбора при переезде между двумя региональными столицами барьерный эффект границы работает, но не так сильно, если выбирать приходится между столицами-миллионниками. В целом города-миллионники являются межрегиональными центрами притяжения мигрантов, но в конкуренции с соседями того же размера их притягивающая роль резко ослабевает. Для мигранта, стремящегося в крупный город, переезд в свой региональный центр гораздо более очевиден, чем в соседний региональный центр такого же размера, при прочих равных предоставляющий примерно те же возможности. Например, в парах Волгодонск — Ростов-на-Дону (Ростовская область) и Волгодонск — Волгоград (Волгоградская область) выбор почти всегда падает на свою столицу.

Монопольное положение центра своего региона. Барьерный эффект может быть очень высоким при переезде из малого города, райцентра, расположенного

на дальней периферии своего региона, в региональный центр при отсутствии на сопоставимом расстоянии от него центра другого региона. Тогда миграция в свой региональный центр при необходимости (желании) переехать в крупный город может быть практически безальтернативной, что увеличивает интенсивность связи со своим центром. Пример подобных пар: Рязск — Рязань (миграционный оборот — 2362 чел.) и Рязск — Липецк (151 чел.).

«Этнический» характер границ. Значительную часть выбранных пар в регионах с городами-миллионниками разделяют «этнические» границы (Республики Татарстан и Башкортостан; Республика Татарстан и Самарская область; Республика Башкортостан и Челябинская область). Например, между Набережными Челнами и Казанью миграционный оборот в 11,3 раза выше, чем между Набережными Челнами и Уфой. Между Альметьевском и Казанью связи в 15,2 раза сильнее, чем между Альметьевском и Самарой. Отметим, что без учета упомянутых миллионников барьерный эффект этнической границы близок к среднему по всем выбранным парам НП.

Однако этнический фактор может действовать и противоположно, то есть снижать и нивелировать барьерную роль границ при несовпадении контура региональных границ с ареалом преимущественного проживания этносов. Впрочем, связи миграции с этничностью нуждаются в проверке в отдельных исследованиях.

Иные факторы могут сглаживать барьерные эффекты этнических границ. Например, миграционный оборот Челябинска с Учалами (межрегиональный) выше, чем у Челябинска с Саткой (внутрирегиональный). Возможно, здесь имеют значение производственные связи, вероятно, также влияют морфология пространства и неудобное транспортное сообщение зауральских Учалов с Уфой и другими городами центральной и западной части Башкортостана. Для Башкортостана Учалы — «медвежий угол», в то время как для Челябинской области — ближайший город-сосед. Здесь уместно вспомнить замечание П. Хаггета о том, что сама форма территории («форма полей») и, соответственно, форма ограничивающих ее контуров влияет на объемы миграции (Хаггет, 1968, с. 61—66).

Отсутствие барьерного эффекта, кроме группы малых НП, расположенных на близком расстоянии друг от друга, описанных выше, может быть связано с такой слабостью внутрирегиональных связей на данном направлении, что они не отличимы от межрегиональных. Пример: Альметьевск — Лаишево (Республика Татарстан) и Альметьевск — Буздяк (Республика Башкортостан). В данном случае между городами Татарстана нет связей по сети социального обслуживания населения, города относятся к мало связанным между собой частям большого региона. Лаишево находится в дальнем пригороде Казани и имеет интенсивные связи прежде всего с этим крупнейшим центром, связи с Альметьевском для него незначимы. При этом, несмотря на «этничность» разделяющей регионы границы, в Буздякском районе Башкортостана, согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., преобладают татары, так что граница между республиками по факту не является этнической. Похожий пример слабости внутрирегиональных связей, ведущий к тому, что межрегиональные связи даже сильнее внутрирегиональных, — это Владимир — Киржач (Владимирская область) и Владимир — Тейково (Ивановская область). Полагаем, что Киржач, расположенный на периферии Владимирской области, в значительной мере вовлечен в зону тяготения Москвы и городов Московской агломерации, миграция в свою региональную столицу для него — движение против «западного дрейфа» и общих миграционных трендов.

Достаточно специфичный случай, отменяющий барьерный эффект границ, — это Юрга — Кемерово (Кемеровская область) и Юрга — Томск (Томская область), где межрегиональная миграция преобладает над внутрирегиональной. В данном примере, видимо, крупнейший российский образовательный центр страны успеш-

но «перетягивает» прежде всего молодых мигрантов из регионального центра, не имеющего таких университетов и такого реноме, отлаженных годами социальных связей. Для России это нетипичный случай. Томск в своем роде достаточно уникален, он выигрывает конкуренцию за учебных мигрантов даже у Новосибирска (Карачурина, Мкртчян, 2026).

Нивелировать эффект границы может «историческая память», которую транслируют взаимосвязи Великие Луки — Западная Двина (ныне — Тверская область) и Великие Луки — Опочка (Псковская область). Великие Луки — бывший центр области, куда входила Западная Двина и связи с которой сохраняются. Кроме того, Великие Луки для Западной Двины — еще и ближайший сравнительно крупный центр, находящийся между Псковом, Тверью и Смоленском. В городе есть несколько учреждений среднего профессионального образования и вуз, поэтому миграция сюда имеет свою причину.

Как видно из таблицы 2, вариация значений барьерного эффекта очень велика — от его отсутствия, выраженного в существенном преобладании межрегионального потока над внутрирегиональным, до превышения внутрирегионального в несколько сотен раз (то есть в случаях, когда межрегиональная миграция практически отсутствует). Например, это направления Зубова Поляна — Саранск (миграционный оборот составил 492 чел.) и Зубова Поляна — Тамбов (1 чел.); Пижанка — Киров (748 чел.) и Пижанка — Чебоксары (4 чел.).

Заключение

Барьерный эффект региональных границ для внутрироссийской миграции имеет сильно выраженный характер. Как показали эмпирические расчеты, вероятность миграции в пределах региона в 3,5 раза выше, чем вероятность переезда в соседний регион. При этом даже с соседними регионами миграционные связи теснее, чем с иными регионами страны (Карачурина, 2003), тем более расположенными в другой ее части. В общем случае теснота связей с соседними регионами объясняется их пространственной близостью, но наши расчеты барьерного эффекта фактор расстояния максимально нивелируют.

Кроме того, нельзя не учитывать, что мы анализируем регистрируемую миграцию, связанную с изменением места жительства или места пребывания на срок свыше 9 месяцев. Существующая в России система регистрации по месту жительства и пребывания делает необязательной регистрацию внутрирегиональных переездов и способствует лучшему отображению в статистике межрегиональных переселений, поэтому можно предполагать, что внутрирегиональные переезды недооцениваются статистикой и, соответственно, рассчитанные барьерные эффекты региональных границ, скорее, преуменьшены.

Региональные границы снижают интенсивность миграционных связей повсеместно. В данной работе это подтверждено на многочисленных примерах миграции между населенными пунктами разного размера, пространственной удаленности, расположенными в разных частях страны с разной плотностью населения и строением поселенческой и транспортной сетей.

Обозначенные в зарубежной литературе причины барьерных эффектов, связанные с действующей системой налогообложения, землепользования, лицензирования, в данном исследовании не выявились, так как либо вообще не имеют применения к России, либо должны выделяться другими методами анализа. Однако другие факторы, например институциональная привязка населения к своему региону и своему центру с помощью системы социального обслуживания, образования, транспорта, проявились. В России наблюдаемый барьерный эффект границ может

быть частично обусловлен факторами, коррелирующими с границей, и выражаться во влиянии различного качества дорог на внутри- и межрегиональную мобильность населения и, опосредовано, на миграционные намерения (Балабан и др., 2026) и переезды. Региональные границы могут разделять территории с сильно различающейся стоимостью жилья (приобретаемого или арендуемого), с разным предложением хороших рабочих мест. Учет этих факторов и их количественная оценка могут стать предметом исследований в будущем.

Мы утверждаем, что барьерный эффект могут усиливать или ослаблять социокультурные (этнические) факторы, сильно различающаяся миграционная привлекательность разделенных границей регионов и населенных пунктов, в том числе близость крупных центров (ядер притяжения мигрантов).

В снижении барьерных эффектов региональных границ для мигрантов заинтересованы акторы, планирующие «экспансию» вовне: развивающиеся вузы, набирающие абитуриентов; девелоперские компании, рассчитывающие привлечь покупателей жилья (что почти всегда связано с переездом) из соседних регионов. Немало заинтересованных и в усилении барьерной роли границ: принцип «где родился, там и пригодился» может применяться для удержания своего населения в тех же самых зонах ответственности (объем студентов, контингентов обслуживания, работников и пр.).

Перспективным направлением дальнейших исследований для выявления и обоснования барьерной роли региональных границ в миграции могут стать расширение числа сравниваемых внутри- и межрегиональных миграционных связей; применение других методов анализа и взаимной верификации получившихся таким образом результатов. Барьерный эффект границ интересно будет рассмотреть на примере маятниковой миграции, возможно, применительно к границам муниципальных образований.

Список литературы / References

Родоман, Б. Б. 2022, Экологический потенциал административных границ, *Региональные исследования*, № 3 (77), с. 54—59, EDN: AFIDWJ <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-5> [Rodoman, B. B. 2022, Environmental potential of administrative borders, *Regional Research*, № 3 (77), p. 54—59 (in Russ.), EDN: AFIDWJ <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-5>]

Колосов, В. А. 2022, Исследования границ в современном мире: прогресс теории и основные направления, *Региональные исследования*, № 3 (77), с. 23—36, EDN: USPFPK, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-2> [Kolosov, V. A. 2022, Border studies in the contemporary world: progress in theory and main directions, *Regional Research*, № 3 (77), p. 23—36 (in Russ.), EDN: USPFPK, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-2>]

Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. 2023, Дальность миграции населения в России с учетом демографических характеристик мигрантов, *Балтийский регион*, т. 15, № 2, с. 4—22, EDN: QKNLYO, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-1> [Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V. 2023, Migration distances in Russia: a demographic profile of migrants, *Baltic region*, vol. 15, № 2, p. 4—22 (in Russ.), EDN: ZMTMBM, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-2-1>]

Niedomysl, T., Fransson, U. 2014, On distance and the spatial dimension in the definition of internal migration, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 104, № 2, p. 357—372, <https://doi.org/10.1080/00045608.2013.875809>

Gao, X. 2018, Trends in inter-provincial migration distance in China, *Population Research*, vol. 42, № 6, p. 25—34.

Song, Y. 2018, *Internal Migration in the United States 1960-2000: The Role of the State Border*, Working paper, Los Angeles, CA, https://www.dropbox.com/s/a9xnt6anvoil6yd/jmp_yjsong.pdf.

Wilson, R. 2022, *The Isolated States of America: Home State Bias, State Identity, and the Impact of State Borders on Mobility*, IZA Discussion Papers, № 15193.

Zheng, Y., Li, J., Lu, M. 2025, Do Provincial Boundaries Hinder Population Flow in China? Evidence from Big Data of Coach Flows, *Asian Economic Papers*, vol. 24, № 3, p. 103—129, EDN: TXWHUS, <https://doi.org/10.1162/asep.a.11>

Robiglio, T., Contisciani, M., Karsai, M., Peixoto, T.P. 2025, *Multiscale patterns of migration flows in Austria: regionalization, administrative barriers, and urban-rural divides*, arXiv preprint, <https://doi.org/10.48550/arXiv.2507.11503>

Смирнов, А. В. 2025, Сетевой подход к изучению миграционных потоков в СССР и России, *Демографическое обозрение*, т. 12, № 2, с. 35—68, EDN: ELOCVE, <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27491> [Smirnov, A. V. 2025, Network approach to studying migration flows in the USSR and Russia, *Demographic Review*, vol. 12, № 2, p. 35—68 (in Russ.), EDN: ELOCVE, <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27491>]

Yin, J., Xu, Zh., Zhang, Q., Kang, Zh. 2025, Multidimensional Distances and Internal Migration in China: Spatial Patterns, Driving Factors and Regional Heterogeneity, *Applied Spatial Analysis and Policy*, vol. 18, art. 32, EDN: TDWGMG, <https://doi.org/10.1007/s12061-025-09636-8>

Кузнецова, С. Н. 2011, Транспортные условия сельского расселения Тверского региона: методика и опыт оценки, *Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология*, № 1, с. 3—19, EDN: OWICOT [Kuznetsova, S. N. 2011, Transport conditions of rural settlement of the Tver region: methods and experience estimation, *Herald of Tver State University. Series: Geography and geoecology*, № 1, p. 3—19 (in Russ.), EDN: OWICOT]

Ji, Zh., Huang, Yu. 2023, The Impact of Highway Infrastructure on Population Mobility: Evidence from a Sample of 800 Counties and Districts (2000—2019) in China, *Sustainability*, vol. 15, № 20, art. 14834, EDN: JMQNOQ, <https://doi.org/10.3390/su152014834>

McKinnish, T. 2007, Welfare-induced migration at state borders: New evidence from micro-data, *Journal of Public Economics*, vol. 91, p. 437—450, <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2006.09.002>

Shi, X. 2020, Locked out? China's health insurance scheme and internal migration, *Labour Economics*, vol. 67, art. 101931, EDN: HAXOTO, <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101931>

Cebula, R.J. 2009, Migration and the Tiebout-Tullock hypothesis revisited, *American Journal of Economics and Sociology*, vol. 68, № 2, p. 541—551, <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.2009.00638.x>

Kleven, H., Landais, C., Muñoz, M., Stantcheva, S. 2020, Taxation and Migration: Evidence and Policy Implications, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 34, № 2, p. 119—142, <https://doi.org/10.1257/jep.34.2.119>

Collins, K.A. 2008, The “Taxing” Issue of Interprovincial and Cross-Border Migration, *Canadian public policy*, vol. 34, № 4, p. 481—499, <https://doi.org/10.3138/cpp.34.4.481>

Cooke, T.J., Ellis, M., Wright, R. 2022, Occupational licensing and interstate migration in the United States, *Monthly Labor Review*, U.S. Bureau of Labor Statistics, <https://doi.org/10.21916/mlr.2022.22>

Cattaneo, M., Malighetti, P., Meoli, M., Paleari, S. 2017, University spatial competition for students: the Italian case, *Regional Studies*, vol. 51, № 5, p. 750—764, <https://doi.org/10.1080/00343404.2015.1135240>

Rehák, Š., Eriksson, R. 2020, Migration of university graduates and structural aspects of regional higher education, *European Planning Studies*, vol. 28, № 10, p. 1941—1959, <https://doi.org/10.1080/09654313.2019.1700483>

Anderson, C. 2021, Local-level, place-based scholarships: a review of the literature, *Educational Review*, vol. 73, № 5, p. 638—661, <https://doi.org/10.1080/00131911.2019.1619520>

Kone, Z., Liu, M., Mattoo, A., Özden, Ç., Sharma, S. 2017, *Internal Borders and Migration in India*, Policy Research Working Paper Public Disclosure Authorized WPS8244

Koşar, G., Ransom, T., Klaauw, W. van der. 2022, Understanding migration aversion using elicited counterfactual choice probabilities, *Journal of Econometrics*, vol. 231, № 1, p. 123—147, <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2020.07.056>

McCauley, J. 2020. *The Role of Information in Explaining the Lack of Welfare-Induced Migration*, Bristol Economics Discussion Papers 20/729, School of Economics, University of Bristol, UK.

Baláz, V., Williams, A.M., Fifeková, E., 2016. Migration Decision Making as Complex Choice: Eliciting Decision Weights Under Conditions of Imperfect and Complex Information Through Experimental Methods, *Population Space and Place*, vol. 22, № 1, p. 36—53, <https://doi.org/10.1002/psp.1858>

Dekker, R., Engbersen, G. 2014, How social media transform migrant networks and facilitate migration, *Global Networks*, vol. 14, p. 401—418, <https://doi.org/10.1111/glob.12040>

Zabek, M. 2024, Local Ties in Spatial Equilibrium, *American Economic Journal: Macroeconomics*, vol. 16, № 2, p. 287—317, EDN: DNFSGK, <https://doi.org/10.1257/mac.20210326>

Bailey, M., Cao, R., Kuchler, T., Stroebel, J., Wong, A. 2018, Social Connectedness: Measurement, Determinants, and Effects, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 32, № 3, p. 259—280, <https://doi.org/10.1257/jep.32.3.259>

Vermeulen, W.R.J., Roy, D., Quax, R. 2019, Modelling the Influence of Regional Identity on Human Migration, *Urban Science*, vol. 3, № 3, art. 78, <https://doi.org/10.3390/urbansci3030078>

Olnier, D., Pryce, G., van Ham, M., Janssen, H. 2024, The conflicting geographies of social frontiers: Exploring the asymmetric impacts of social frontiers on household mobility in Rotterdam, *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, vol. 51, № 3, p. 625—640, EDN: MHLHOC, <https://doi.org/10.1177/23998083231173696>

Clark, W.A.V. 1989, Revealed preferences and neighbourhood transitions in a multi-ethnic setting, *Urban Geography*, vol. 10, № 5, p. 434—448, <https://doi.org/10.2747/0272-3638.10.5.434>

Iyer, A., Pryce, G. 2024, Theorising the Causal Impacts of Social Frontiers: The Social and Psychological Implications of Discontinuities in the Geography of Residential Mix, *Urban Studies*, vol. 61, № 5, p. 782—798, EDN: XXFXWR, <https://doi.org/10.1177/00420980231194834>

Yu, L., Zhao, P., Zhang, M., Feng, Y. 2025, Unveiling the hidden effects of multilevel administrative boundaries on human mobility, *Journal of Transport Geography*, vol. 128, art. 104337, EDN: GILVZL, <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2025.104337>

Савоскул, М. С., Алексеев, А. И., Кузнецова, Г. Ю., Мозгунов, Н. А. 2019, Сельское население и учет населения в зоне влияния Московской агломерации (на примере Боровского района Калужской области), *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, № 2, с. 86—94, EDN: MVZMVO [Savoskul, M. S., Alekseev, A. I., Kuznetsova, G. Yu., Mozgunov, N. A. 2019, Rural settlement and population registration within the zone of influence of the Moscow agglomeration (case study of the Borovsk Raion of the Kaluga Oblast), *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya Geografiya*, № 2, p. 86—94 (in Russ.), EDN: MVZMVO]

Харрет, П. 1968, *Пространственный анализ в экономической географии*, Москва, Прогресс, 389 с. [Haggett, P. 1968, *Locational analysis in Human Geography*, Moscow, Progress, 389 p. (in Russ.).]

Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. 2021, Внутрирегиональная миграция населения в России: пригороды выигрывают у столицы, *Известия РАН. Серия географическая*, т. 85, № 1, с. 24—38, EDN: QTUUE, <https://doi.org/10.31857/S2587556621010076> [Karachurina, L. B., Mkrтчyan, N. V. 2021, Intraregional Population Migration in Russia: Suburbs Outperform Capitals, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 1, p. 48—60, EDN: YNNVJT, <https://doi.org/10.1134/S2079970521010068>]

Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. 2026. Иерархия городов — вузовских центров России в зеркале учебной миграции, *Известия РАН. Серия географическая*, т. 16, № 3, в печати. [Karachurina, L. B., Mkrтчyan, N. V. 2026, The Hierarchy of Russian University Center Cities in the Mirror of Academic Migration, *Regional Research of Russia*, vol. 16, № 3, in press.]

Карачурина, Л. Б. 2003, Миграции между регионами-соседями: специфика, объемы, тенденции, в: *Миграционная ситуация и миграционная политика в современном мире*, материалы международной школы-семинара «Миграция: теория, методы и практика регулирования миграционных процессов» (3—22 августа 2003), Смоленск, Универсум, с. 81—91. [Karachurina, L. B. 2003, Migration between neighboring regions: specifics, volumes, trends, in: *Migration situation and migration policy in the modern world*, proceedings of the international school-seminar “Migration: theory, methods and practice of regulating migration processes” (August 3—22, 2003), Smolensk, Universum, p. 81—91 (in Russ.).]

Балабан, М. О., Корж, П. А., Родина, О. А., Шарепина, Е. А. 2026, Профессия мигрант: как опыт пространственной мобильности определяет намерения на переезд? *Демографическое обозрение*, т. 13, № 1, с. 102—130, EDN: HBVJHV, <https://doi.org/10.17323/demreview>

v13i1.33720 [Balaban, M., Korzh, P., Rodina, O., Sharepina, E. 2026, Migration as a profession: How does experience of spatial mobility shape migration intentions? *Demographic Review*, vol. 13, № 1, p. 102—130 (in Russ.), EDN: HBVJHV, <https://doi.org/10.17323/demreview.v13i1.33720>]

Об авторах

Лилия Борисовна Карачурина, кандидат географических наук, доцент, академический руководитель программы «Демография», заместитель директора Института демографии имени А. Г. Вишневого, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-7760-7925>

E-mail: likarachurina@hse.ru

SPIN-код РИНЦ 3354-2014, AuthorID: 104089

Никита Владимирович Мкртчян, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-9603-0594>

E-mail: nmkrтчян@hse.ru

SPIN-код РИНЦ 6713-2299, AuthorID: 251200

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND 4.0)

THE BARRIER EFFECT OF REGIONAL BORDERS ON MIGRATION IN RUSSIA

L. B. Karachurina¹

N. V. Mkrtchyan²

¹HSE University,
20 Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russia

²The Institute of Economic Forecasting of the Russian
Academy of Sciences (IEF RAS),
47 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia

Received 26 May 2026

Accepted 3 July 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-3-1

© Karachurina L. B., Mkrtchyan N. V., 2026

Although international borders are widely recognised as barriers to migration, evidence of a comparable effect at internal administrative boundaries remains limited. This study assesses the barrier effect of regional boundaries on long-term internal migration in Russia and examines the factors that may explain it. The study draws on anonymised individual-level data on internal migrants for 2011—2020, enabling an analysis of migration links between settlements. It compares intra- and interregional migration links across 165 settlement pairs in different parts of Russia. Settlement pairs were selected to maximise comparability in terms of population size and the distance between settlements. This approach

To cite this article: Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V. 2026, The barrier effect of regional borders on migration in Russia, *Baltic Region*, vol. 18, № 3, p. 8—23. doi: 10.5922/2079-8555-2026-3-1

provides a basis for assessing the barrier effect of regional boundaries through differences in migration intensity while accounting for these two key characteristics. The results show that intraregional migration intensity is 3.5 times that of interregional migration. Regional boundaries consistently act as barriers to migration, although the magnitude of this effect varies with the relative attractiveness of neighbouring regions to migrants, differences in their ethnic composition, and the strong pull of particular centres. The effect also depends on the location of settlements relative to regional capitals and other local migration destinations.

Keywords:

internal migration, regional boundaries, settlements, distance, migration links

The authors

Dr **Liliya B. Karachurina**, Associate Professor, Academic Supervisor of the Demography Programme, Deputy Director of the A. G. Vishnevsky Institute of Demography, HSE University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-7760-7925>

Email: lkarachurina@hse.ru

Dr **Nikita V. Mkrtchyan**, Leading Research Fellow, the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (IEF RAS), Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-9603-0594>

E-mail: nmkrtchyan@hse.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)